

ДЕЯТЕЛИ УКРАИНСКОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Александр Корнейчук

Вечер наступал тревожный. Темнота будто опускалась со спицей костелов, выползала из окон пзнакомых домов, угасшая радостные краски погожего сентябрьского дня и ликующий шум уличной толпы, еще недавно кипевшей на площадях и перекрестках. Город быстро пустел. И когда утонули во тьме очертания домов, где-то вспыхнул дробный стук пулеметных очередей и захлопали со всех сторон выстрелы винтовок.

Это был первый вечер в только что занятом Красной Армией старинном Львове. Укрывшиеся днем остатки польского офицера, как издыхающие галы, пытались ужалить исполтншка красноармейские дозоры и посты, послать из-за высокого купола собора прелательскую пулю в спину советского командира.

В коридоры комендатуры, разместившейся в здании бывшего штаба польского уланского полка, вливались потоки людей. И в сутолоке серых шинелей и плащей, краснозвездных фуражек и металлических касок мы заметили тонко блеснувший золотым лучиком орден Ленина на защитной гимнастерке и веселое, оживленное лицо Александра Евдокимовича Корнейчука. Он горячо жал нам руки и сразу стал рассказывать. О, он много уже увидел, со многими говорил. Надо созвать митинг интеллигенции. Львовские ученые и художники, артисты и писатели жадно потянутся к советской культуре — им надо рассказать о нашей стране!

Сразу после освобождения Львова, первым из украинских писателей, вместе с Никитой Сергеевичем Хрущевым и Семеновым Константиновичем Тимошенко, А. Корнейчук прибыл во Львов. Но уже назавтра о нем узнали, о нем заговорили лю-

ди, для которых до тех пор Советская Украина и советская культура были далекой, недостижимой мечтой. Его видели на митингах, в театрах, музеях. К нему

началось настоящее паломничество. Пришли профессор Студинский, Ванда Василевская, приходили многие писатели и поэты, художники и композиторы. Для них он был не просто советский человек, которого можно забросать тыся-

чами вопросов, не только писатель, у которого можно узнать о жизни советской интеллигенции. В его лице они встретились с украинской социалистической культурой, он был ее полномочным представителем.

И когда, много месяцев спустя, в солнечные июньские дни 1940 года Красная Армия слова раздвинула границы социализма, снова Александр Корнейчук явился полпредом советской украинской культуры на освобожденных землях Северной Буковины.

Да, он вправе был представлять ее — молодую и полную сил, новую культуру Советской Украины. Ибо он сам творил ее. Она росла вместе с ним и с тысячами таких же, как он, рабочих подростков, чьи отцы самоотверженно бились за советскую власть, чтобы их дети могли создавать будущее — свое и своей страны.

...От маленькой железнодорожной станции Христиновка лежали открытые пути во все направления. Хочешь — мчись по железным путям, подбрасывая лоснящийся уголь в жаркую топку паровоза. Хочешь — езжай пассажиром в одном из быстро мелькающих зеленых вагонов — в город, на учебу, овладеть культурой. Хочешь... Впрочем, много разных дорог лежит перед каждым юношей советской страны. И та, которую избрал комсомолец Александр Корнейчук, привела его сначала в рабфак, потом в институт народного образования, потом к писательскому столу. Обращение к драматургии определило направление избранного пути.

Говорят, всякое произведение хоть немного автобиографично и где-то, чьими-

то устами, автор всегда скажет о самом себе или «от себя». Корнейчук в первых же произведениях выявляет себя, свое творческое «я», не в отдельном герое, а всегда — всей пьесой в целом. Сын своей родины и партии, он всегда говорит своим творчеством то, что наиболее остро, наиболее настойчиво подсказывает жизнь.

В своей первой и далеко несовершенной пьесе «На грани» А. Корнейчук рисует молодого советского композитора, ищущего тему для симфонии и нашедшего ее на заводе, в симфонии социалистического труда. Эту пьесу, пожалуй, можно считать творческой декларацией драматурга, которой он не изменил с тех пор ни разу, ни в одном своем произведении.

Становились все четче образы героев новых пьес, выведенных крепнущей рукой, все разнообразнее появлялись лица и картины. Героинка советской жизни чередовалась с героинкой прошлого. Но всегда источник своего вдохновения находил драматург, как и герой его первой пьесы, — в массах, среди людей труда, в их подвигах во славу родины.

Им он посвящает свое творчество, и они придают его пьесам убедительность подлинной жизни.

По-разному, с разными мерками можно подходить к творчеству любого драматурга. Можно и к пьесам А. Корнейчука идти с заученными схемами драматургических канонов. Можно скрупулезно исследовать детали и выверять их сюжетно-композиционное соответствие. Но в конечном итоге самую правильную оценку пьесе дает зритель. Если его волнует Платон Кречет — смелый экспериментатор-хирург, если его трогает старый врач Терентий Бублик, если его потрясает самоотверженное мужество черноморских моряков, потопивших свои боевые корабли, чтобы не сдать их врагу, если его роднит

с Богданом Хмельницким общая ненависть к польским панам, если, наконец, он смеется и негодует против Галушки, тянущего свой колхоз в болото мелкого собственничества, — задача драматурга решена.

А. Корнейчук ясно видит свою задачу — его драматургия партийна в лучшем понимании этого слова, ибо своим пером большевика-писателя он творит дело партии Ленина — Сталина.

Отсюда — жизненная правда его пьес. Велико значение драматургии А. Корнейчука для развития всей украинской социалистической культуры и, в первую очередь, для расцвета украинского советского искусства.

Его пьесы определили художественную линию многих театров, в том числе лучшего театра Советской Украины — орденосного Киевского театра им. Ив. Франко. Художественный руководитель театра им. Франко Гнат Петрович Юра однажды сказал:

— Наибольшую творческую радость да мне работа над пьесами А. Корнейчука и особенно над «Гибелью эскадры», «Правдой» и «Богданом Хмельницким». Я считаю, что эти пьесы определяют линию нашего театра.

Сильно и убедительно звучит это признание. В условиях недавнего прошлого, когда буржуазно-националистические «эстетсы» тянули советские театры к формалистическим выкрутасам курбасовщины, к упадочническому «модерну» мюзикхолльных ревью Запада, победа драматургии А. Корнейчука — это больше, чем победа писателя. Это было политической победой подлинно советской украинской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Образы пьес А. Корнейчука национальны в той же степени, в какой они национальны и революционны. Он выводит на

сценические подмостки не напряженного в украинский костюм абстрактного героя. Нет, его герой вышел из гущи народной, его лицо обожжено палящим солнцем Украины, его характер складывался из вековых традиций вольнолюбивого украинского народа. В штатском пиджаке или матросском бушлате, в белом халате врача или кармазинном жупане козацкого «лыцаря», мы всегда видим украинца, сына великого украинского народа.

Жизнерадостные краски кладет драматург, рисуя колоритные фигуры своих героев. Их язык насыщен сочным украинским юмором, их сердца полны неувыдающим оптимизмом, таким же безбрежным, как золотые поля Украины. Легко и естественно льются из уст его героев чарующие мелодии украинского фольклора.

— То не снег растаял и не лед, то ручьи и реки слез народа потекли в Днепр, ибо земля украинская не принимает больше крови и слез замученных людей, отцов, делов и прадедов наших... Выбирайте же, лыцари, будем ли ждать смерти позорной, или пойдем на бой за родину, волю, честь и веру народа нашего.

В эти слова Богдана Хмельницкого драматург вложил всю силу народного гнева против угнетателей-панов. Они звучат с немалой силой, чем вдохновенные призывы народных героев, сохранных нам памятью певцов-кобзарей.

Мужественные и смелые, волевые, но как дети радующиеся жизни, герои Корнейчука несут в себе лучшие качества и традиции веселого и непокоримого героического украинского народа. За каждым их словом чувствуется отвага и решительность, вера в счастье, пылкая любовь к родине и безграничная готовность отдать себя и свою жизнь во славу отчизны. Так возникает преемственность образов, которая роднит Кривоноса и Галжу с Тарасом Голотой и Стрижемем. Так правильно понятый художником историче-

ский процесс заставляет историческую пьесу звучать по-современному.

Драматург выражает в своем творчестве народные думы и стремления, и народ отплачивает ему признательностью и любовью. Ему он доверил высокое право представлять свою волю в социалистическом парламенте советской страны. Как выдающегося писателя-драматурга его избрали ученые в состав Академии наук УССР. Его роль и заслуги в развитии советской литературы отметило правительство СССР высшей наградой страны — орденом Ленина.

Пьесы А. Корнейчука, особенно «Платон Кречет», обошли почти все театры Советского Союза. И не только Советского Союза. Пламенные слова Платона об отступлении смерти, о возвращении людям миллионов солнечных дней — звучали под сводами театров Праги и Софии, волнующ зрителей, быть может, не меньше, чем в Киеве и Москве. И в самом деле, разве не звучали они для чешского или болгарского зрителя откровением из иного мира, светлой надеждой на будущее!

Больше семи лет назад первый большой успех принесла драматургу его пьеса «Гибель эскадры». Она заслужила премию на Всесоюзном конкурсе драматургов. Но и тогда, и теперь он не довольствуется достигнутым.

Александр Евдокимович Корнейчук — человек большой работоспособности. Кажется, иначе нельзя его себе и представить, как за делом, среди героических людей сталинской эпохи.

Эти люди мужественны и решительны, они прямы и честны, они исполнены верой в правду социализма, в коммунистическое завтра, для которого живут и трутятся.

И так же властно, как они идут в жизнь, к своим великим делам, точно так же входят они в пьесы А. Корнейчука — подлинными хозяевами жизни и творчества.

М. МАРЬЯНОВ.